

Сергей Чупринин

Разночинец

Жизненный путь и литературное наследие Н. В. Успенского

Успенский Н. В. Издалека и вблизи: Избр. повести и рассказы / Сост., вступ. ст. и примеч. С. И. Чупринина.-- М.: Сов. Россия, 1986.

(Сел. б-ка Нечерноземья).

[OCR Бычков М.Н.](#)

1

Когда в ночь на 21 октября 1889 года Николай Васильевич Успенский перерезал себе горло подле одного из домов Смоленского рынка, где ютился нищенствующий московский люд, солидные литературные журналы никак не откликнулись на трагическую кончину писателя, а издания помельче проводили его в последний путь то ли сокрушенным вздохом, то ли риторическим вопросом:

"Многие ли из современной публики, не говорим уже, читали, но хотя бы слышали об этом писателе?" {Новости.-- 1889.-- No 295.}

И невольно задумываешься о страдальческой участи "одного из первых и крупнейших народных писателей" {Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т.-- М., 1957.-- Т. 9.-- С. 495.}, чей талант был отмечен и поддержан в самом начале творческого пути и Н. А. Некрасовым, и И. С. Тургеневым, и Л. Н. Толстым. Почему, в самом деле, русской общественностью так скоро забылось даже имя Успенского, первая книжка которого вызвала заинтересованно-сочувственный отзыв Ф. М. Достоевского и послужила поводом для знаменитой статьи Н. Г. Чернышевского "Не начало ли перемены?"? Отчего и в XX веке его произведения переиздаются с перерывом в несколько десятилетий (1931--1957--1986 гг.), а в литературной табели о рангах ему отводится предельно скромное место?

Существует мнение, что всеми своими -- и литературными и житейскими -- бедами Николай Успенский был обязан исключительно самому себе, вернее, своей дурной наследственностью, скверному воспитанию и ужасному характеру.

Мнение небезосновательное, по крайней мере, на первый взгляд. К. И. Чуковский, подробно исследовавший биографию Успенского, с понятной горечью замечает, что все ближайшие родственники писателя, родившегося в 1837 году {По некоторым недавно обнаруженным данным, Н. В. Успенский родился не в 1837 г., а в 1834 г. (Вопросы литературы.-- 1965.-- No 5.-- С. 253--254).} в многодетной и полунищей семье сельского священника, были горькими пьяницами {См., напр.: Чуковский К. Судьба Николая Успенского // Успенский Н. Собр. соч.-- М.; Л., 1931.-- С. IX.}, да и сам Николай Васильевич рано пристрастился к выпивке. Хотя, по сообщению И. А. Бунина -- другого биографа Успенского, "пить начал Н. В. уже лет под сорок, - то есть, разумеется, пить как следует" {Бунин И. А. Собр. соч.-- Т. 9.-- С. 499.}.

Засвидетельствованный мемуаристами процесс "растления души" незаурядного, как можно предположить, подростка с успехом продолжался в почти неперенной для деревенских поповичей семинарии, правы которой так хорошо известны читателям по хрестоматийным "Очеркам бursы" Н. Г. Помяловского и оживают во всей своей каннибальской красе на страницах автобиографического рассказа самого Успенского "Декалов". Розги, водка, карты, взяточничество, угодничество и наущничество, тайный разврат при показном благочестии, процветавшие в тульской семинарии, развили в смышленном, хотя и на редкость скверно учившемся Николке привычку к грубому шутовству, скандальному "балаганству", сохранившуюся вплоть до самой смерти, вскормили в нем -- и это, пожалуй, главное -- чувство лютой обиды на весь мир и прежде всего на тех, кому в жизни выпала более легкая доля.

Особенное раздражение неизменно вызывал у дерзкого бурсака его двоюродный брат Глеб, которому посчастливилось родиться в обеспеченной семье тульского палатского секретаря, пользоваться отцовским выездом и отцовскими связями, учиться в гимназии и т. д. и т. и. Годы, десятилетия пройдут, прежде чем неизжитая досада выплеснется в воспоминаниях Николая Васильевича о Глебе Ивановиче, который и на писательском поприще оказался удачливее своего двоюродного брата:

"Мое отрочество и детство Глеба Ивановича Успенского,-- с чисто семинарским "витийством" и